

ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ЧЕЧНИ

М. М. Юсупов

Грозный

В СССР сформировалась однотипная социальная структура, имевшая в регионах ряд специфических особенностей. Свои отличительные признаки были присущи и социальной структуре Чечни. Диспропорции вовлечения в производственную деятельность национальных групп, различия в содержании и характере их труда, разные возможности удовлетворения материальных и духовных потребностей, использования внерабочего времени влияли на образ жизни людей. В 80-е годы удельный вес занятых в народном хозяйстве по национальному составу выглядел следующим образом: чеченцы - 54,2%, ингуши - 10,8%, русские - 27%, другие национальности - 7,2%. В то же время от общего числа работающих в промышленности русские составляли 37,9%, чеченцы - 42,8%, в сельском хозяйстве, соответственно, - 8,5% и 75,8%. При этом в нефтедобыче и нефтепереработке работало чеченцев и ингушей 32% и 22%. Незначительным было их количество в основных цехах предприятий машиностроения и приборостроения г. Грозного. Такое распределение рабочих мест объяснялось прежде всего объективными социальными и экономическими факторами, хотя, безусловно, сказывалась и традиционная приверженность населения к определенным видам занятий.

Разделение труда и сложившиеся на протяжении длительного времени обстоятельства вовлечения представителей разнонациональных групп в различные сферы деятельности привели к тому, что каждая национальная группа имела свой типичный род занятий, институциональную нишу и соответствующий статус. И поэтому характер социальных и национальных взаимосвязей можно выявить по национальному составу "референтных групп" (1).

В одних трудовых коллективах Чечено-Ингушетии доминировали группы, представляющие "титульные" нации республики, в других - основную нацию страны, в третьих - национальные меньшинства. Так, в технических НИИ, вузах преобладали евреи, армяне, русские; в партийных и правоохранительных органах - русские, чеченцы, ингуши; в легкой промышленности - чеченцы, армяне, ингуши и русские. Национальная принадлежность индивида в общем-то не препятствовала его членству в значимых для него группах. Однако в народном хозяйстве республики десятилетиями существовали национально дифференцированные группы, которые не являлись референтными друг для друга. Например, группы, преимущественно русские по своему составу, занятые в нефтедобыче и нефтепереработке, машиностроении и приборостроении, не были референтными для чеченцев и ингушей. А группы, состоящие в основном из чеченцев и ингушей, в строительстве, сельском хозяйстве, на автомобильном транспорте - для русских. В названных отраслях преобладала не межэтническая, а внутриэтническая конкуренция. Поэтому наблюдалось внешнее спокойствие, без сильно выраженных каких-либо посягательств на "чужие сани".

Вместе с тем в массовом сознании горожан - чеченцев и ингушей - бытовало мнение о наличии препятствий для их трудоустройства на предприятиях нефтепереработки, приборостроения, а у русских - о вытеснении их из сферы торговли. Такие факты действительно имели некоторое распространение, но не являлись определяющими и не получили широкий или всеобщий размах.

Избирательный подход администрации (скрытый или явный) к приему на работу людей в зависимости от их национальной принадлежности, по мнению

11,6% опрошенных чеченцев, 15,5% - ингушей, 13,9% - русских, 14,3% - других национальностей (2), являлся одной из причин становления однонационального коллектива.

Вайнахское население болезненно воспринимало преобладание русских на ключевых должностях в сфере социального управления. Это расценивалось как недоверие Центра народу, продолжение прежней политики притеснения и насилия, ограничения прав политической и социальной самостоятельности по сравнению с народами соседних и других республик.

В перестроечные годы происходит обновление социальной структуры. Иерархия социальных связей изменяется по мере модернизации всего хозяйственного организма, усложнения производства, утверждения многообразия форм собственности. Это ведет к формированию новых социальных групп (кооператоры, банкиры, предприниматели, фермеры и др.). На данный процесс окажут свое воздействие национальные традиции и ценностные ориентации на определенные виды деятельности (3).

Положительно относились к проводимому в стране курсу развития кооперативов, создания акционерных предприятий, частного сектора экономики, по социологическим данным, 45,5% чеченцев, 61% ингушей, 26,8% русских, 27% других национальностей.

Преобладающее большинство занятых в новых хозяйственных структурах составляли чеченцы и ингуши. Русские чаще предпочитали создавать малые предприятия на базе государственных объединений и организаций. В переходном обществе незавершенность социальной дифференциации затрудняет осознание различными слоями своего места в системе общественных отношений. Примерно четвертая часть респондентов идентифицирует себя с рабочим классом, крестьянством, интеллигенцией.

Надо искать, подчеркивает В.А. Ядов, эмпирические показатели устойчивого "ядра" социально-структурных идентификаций (4). Каждую социально-классовую, профессиональную группу объединяет общность одного или нескольких интересов. Они не отделены строго друг от друга, а часто входят одна в другую, взаимоперекрещиваются. Одни и те же люди в силу одних интересов входят в состав той или иной общности. Служащий, деятель науки может быть в то же время руководителем малого предприятия, владельцем частной собственности, ревностным членом религиозной общины, общественного движения или партии.

Национальные общности различаются своей мозаикой соотношения удельного веса социальных классов, групп, слоев. У ряда наций сохраняется "архаичная" социальная структура, т.е. "родоплеменное" деление национальной общности. Правда, данное явление не вписывается в известные классические схемы о социально-историческом прошлом тех или иных этнических общностей и требует подходов с учетом современных реалий и происходящих социальных трансформаций. Например, своеобразное органическое сочетание современных и прошлых социальных пластов характерно для структур японской, китайской, казахской и другим наций. В массовой психологии и сознании чеченцев очень слабо выражены бывшие границы племенных общностей. Однако в общественно-бытовой жизни активную роль играют родовые общины (тайпы). Собственно, фамильно-родовая общность служит своеобразной ячейкой, через которую индивид, семья включены в систему функционирования этнических традиционных отношений и институтов. Но этот вопрос нуждается в специальном глубоком изучении. Вместе с тем чеченская нация не конгломерат и не сумма, не конфедерация и не федерация тайпов, а качественно самостоятельная целостная общность людей. В ней без опосредования через тайповую принадлежность индивид осознает себя членом, представителем данной нации. Отсюда и наличие у личности национальных интересов - материальных,

духовных, независимо от ее принадлежности к тому или иному тайпу.

Одновременно следует признать, что традиционные институты прошлого оказались в наши дни вплетены в политические, социальные, экономические, культурные, религиозные процессы. Они оказывают существенное влияние на деятельность административно-государственных структур власти. Причем сохраняющиеся архаичные институты являются наиболее устойчивыми элементами традиций и культуры, выполняют социально и этнозащитные функции. Жизненные невзгоды, ощущение опасности активизируют этнозащитные функции, скажем, родовых общин, придают новый импульс традициям взаимопомощи, взаимоподдержки, проявлениям кровнородственной и родовой территориально-поселенческой солидарности.

Так, по результатам социологических исследований, лишь 20,9% представителей чеченской национальности соотносят себя, т.е. чувствуют наибольшую близость, с людьми прежде всего своего тайпа. В то же время считают, что при жизненных затруднениях откликнется человек своего тайпа - 53,1%. Данное мнение вполне объективно отражает влияние кровнородственных связей на разрешение ситуаций, складывающихся в сфере общественно-бытовой жизни.

В период социально-политического кризиса, безвластия, разгула преступности, полного произвола со стороны чиновничества, да и среди самого населения происходит реанимация патриархальных социальных связей и форм общежития. После августовско-сентябрьских событий 1991 года в Чеченской Республике, приведших к смене партийно-советского режима, воцаряется беспредел, происходит грабёж общественной и личной собственности, разного рода насилие над личностью. Как реакцию на эти негативные тенденции нужно рассматривать наблюдаемые в тот период явления: созыв съездов, собраний отдельных родственных и соседствовавших в прошлом тайпов. На них избираются советы, принимаются программы, содержащие вопросы не только возрождения традиций и обычаев, формирования исторического сознания, но и касающиеся современной социально-политической жизни. Все чаще появляются публичные заявления от старейшин тайпов о подзащитности членов рода - политических деятелей, корреспондентов и необратимости возмездия за возможные по отношению к ним насилие или посягательства на их честь и достоинство. Последующие события, особенно осени 1993 года и первой половины 1994 года показали, что социально-политическая ситуация будет определяться не общественными институтами тайпов, а современными формами организации и консолидации социальных сил.

Итак, члены каждого тайпа по социальному положению и роду занятий входят в различные социально-классовые и социально-профессиональные группы. В свою очередь каждая из них включает людей, представляющих множество тайпов. Именно таким образом "сконструировавшиеся" социальные группы выступают носителями интереса чеченской нации. Бесспорно, "архаичная" социальная структура оказывает воздействие на протекание экономической и политической жизни. Но было бы ошибочно придавать определяющее значение ее влиянию на социально-политические и экономические процессы. Не наличие горных и равнинных поселений, тайповых и религиозных различий обусловили возникновение конфликта внутричеченского, федеральной и республиканской власти, российско-чеченской войны.

Напротив, борьба за передел собственности и власти, объединение по политическим взглядам и позициям, выстраданное стремление к самостоятельности, выход московских финансово-экономических и политических группировок на соответствующие силы в Чечне привели к образованию здесь нынешней социальной конфигурации. Ее линии лишь частично накладываются

на тайповые, религиозные и социально-географические контуры. Другими словами, в основе социальных действий лежат реальные политические и экономические интересы. Люди в конечном счете, вступая в сотрудничество или конфронтацию, группируются по преследуемой цели и интересам.

Целесообразно выявить социальные группы с учетом материального уровня их жизни (низкий, ниже среднего, средний, выше среднего, высокий), отношения к ключевым проблемам политики, экономики. Любопытно, что близость с людьми, имеющими такой же материальный уровень жизни, как и они, выразили 15-22% респондентов. Кстати, Чечено-Ингушетия, будучи достаточно развитой в промышленно-экономическом отношении, занимала в 70-80-е годы последние и предпоследние места в России по всем социальным показателям. Высокими были смертность детей, безработица, врачей приходилось на 10 тыс. человек - 26, тогда как в Дагестане и Северной Осетии - 50-60. Эти и другие неблагоприятные данные характеризовали прежде всего уровень и качество жизни коренных национальностей, проживающих в основном в сельских населенных пунктах. В них социальная инфраструктура во много раз уступала той, что имела в Грозном. В столице также находились 75-80% средств производства. На протяжении десятилетий около 200 тысяч чеченцев и ингушей не были заняты общественно-полезным трудом из-за отсутствия рабочих мест. Это вынуждало людей выезжать на сезонные работы, заниматься отходничеством, оставаться долго вне системы функционирования национальных традиций, национально-общественной жизни, постоянно действующих трудовых коллективов. Перебивание десятилетиями случайными заработками привело к образованию среди данной категории населения маргинального слоя со слабо выраженными нравственно-культурными чертами, подверженного всякого рода иллюзиям и популизму.

Ниже прожиточного минимума были заработки 80% населения. Среднемесячный доход на одного члена семьи до 30 рублей имели среди опрошенных 15,5% чеченцев, 1,7% русских, до 100-150 руб. соответственно - 17,4 и 29,7% (4). Вместе с тем свое материальное положение русские оценили как среднее - 42,3%, ниже среднего - 30,7%, низкое - 21,2%. Причем 57,6% русских считают, что живут в большинстве своем хуже по сравнению с коренной национальностью (5). В этих ответах превалирует, на наш взгляд, эмоциональная сторона, т.е. соотнесение своего положения не с совокупными показателями уровня жизни вайнахского населения или с его многочисленными слоями, испытывающими социальные тяготы и трудности, а с узкосоциальными группами с высоким материальным статусом. При всем различии психологического восприятия национальными группами своего положения уникальность ситуации состояла в том, что социальное недовольство ими вымещалось не друг на друга, а на власть.

В целом же в массовом сознании, и особенно чеченского населения, сложилось довольно устойчивое восприятие социального расслоения по чрезмерно обобщенному критерию: “богатые, состоятельные” - “бедные, обездоленные”. Такую социальную полярность олицетворяют, с одной стороны, хозяйственно-политическая номенклатура, нарождающиеся предприниматели, а с другой, - труженики и все простое население.

Многие с сожалением сознают, что в обществе становится привлекательным престиж, обеспечиваемый должностью, доходом, материальным богатством, накопленным любыми средствами и путями. Как бы отодвинутыми на задний план оказываются вошедшие в свое время в повседневность национально-этические оценки личности по уровню ее нравственности, культуры общения, участия в общественно полезной деятельности.

Сложившееся расслоение во многом определило социальное поведение и мотивацию политических действий в республике на рубеже 90-х годов. Крайне

обострившееся противоречие социальных отношений перерастает во внутринациональный конфликт. Происходит временное совпадение интересов и позиций определенной части населения, новой политической и экономической элиты, криминальных элементов в противостоянии партийно-советской власти.

С установлением режима национал-радикалов (XI.1991-1994) объективная противоположность интересов населения и властвующей элиты сглаживается, отодвигается на второй план, притушевывается и возросшее социальное неравенство. Хотя, по данным опроса, в 1992 г. по сравнению с предыдущим улучшилась жизнь у двух процентов грозненцев, ухудшилась у двух третей (6).

В эту пору наблюдаются, во-первых, открытый конфликт прежней и новой элиты по поводу власти и собственности; во-вторых, готовность многих терпеть социальные лишения во имя достижения выстраданной в многовековой борьбе независимости, приверженность к которой наиболее последовательно декларируют национал-радикалы; в-третьих, периодически возникающая внешняя угроза - угроза Центра - применить силу делает аморальным с точки зрения патриотизма, национальной чести и гордости предпринятие каких-либо активных действий, выдвижение жестких требований к власти.

Развязанная федеральным центром война в Чечне привела к огромным разрушениям, жертвам, деформации социальной структуры, распаду трудовых коллективов из-за уничтожения предприятий и организаций, возникновению беженцев более 400 тыс.

Социально организующей формой выступают в такой обстановке тайповые, соседские, территориальные общности. В них прослеживается единение на основе потребностей выживания. Они объединяют людей, несмотря на "все многообразие их классовых, профессиональных, демографических различий" (7). Одновременно члены названных общностей группируются в более крупные образования, отличающиеся по своим политическим ориентациям, пониманию вопросов прекращения войны и урегулирования конфликта, определения статуса республики.

П. Бурдые справедливо полагает, что на базе знания пространства позиций можно вычленить классы в логическом смысле этого слова, т.е. класс как совокупность агентов, занимающих сходную позицию... Однако это не настоящий класс в смысле группы, пишет он, это лишь возможный класс (8).

Таким образом, в условиях социальной стабильности относительно устойчивы связи между социальными группами и слоями, составляющими в своей совокупности каркас общества. Во время же социального кризиса, возникновения жесткого противостояния, конфликта, скажем по вертикали "центр-республика", ослабевает значение социально-статусных различий во внутриреспубликанской национальной жизни, социальные чаяния и ожидания аккумулируются и находят выражение в политических настроениях и устремлениях больших масс населения.

1. См.: **Празаускас А.А. и др.** Межэтнические конфликты в странах зарубежного Востока. М., 1991.
2. Социологическое исследование НИИ гуманитарных наук ЧР "Интересы разнонациональных групп населения". Объем репрезентативной выборки - 1575 человек. 1991.
3. См.: **Иванов В.Н., Блинов Н.М., Левакин И.М.** Образ жизни: тенденции, противоречия, проблемы. Кишинев, 1989.
4. **Ядов В.А.** Социально-структурные общности как субъект жизнедеятельности // Социологические исследования. 1989. №6. С. 60-63.
5. Социологическое исследование ВЦИОМ "Русские в республиках". Объем выборки - 397 чел. 1991.
6. Социологическое исследование "Политическая и социальная ситуация в ЧР". Объем выборки - 500 чел. 1992.
7. См.: **Радаев В.В., Шкаратан О.И.** Социальная стратификация. М., 1995.
8. **Бурдые П.** Социология политики. М., 1993. С. 59.